

THEATER & KUNST
IN DER
HEUSTEIGSTRASSE

В человеческой жизни случаются порой странные совпадения. Вот и на этот раз: не успел Союз театральных деятелей России пригласить меня на спектакль театра из Штуттгарта, как моя дочь уже взахлеб рассказывала о необычайных вещах, происходящих в

ли, мы занимаемся театральной педагогикой с детьми всех возрастов, начиная с восьми лет. Приходим в школы и работаем с ребятами на уроках, в основном немецкого языка. Старшеклассники репетируют в помещении центра. В Германии театральные педагогов

«ОТКРЫТЬ В ГОЛОВЕ

третьей школе города Москвы с сильным немецким уклоном. А именно — учеников сняли с уроков и поручили артистам из города Штуттгарта. Усомнившись в том, что в течение одной недели из одного и того же германского города прибыли к нам две разные труппы, я выяснила: труппа та же — центр «Театр и искусство». Благодаря забавному совпадению я оказалась свидетелем двух форм работы центра, которые и составляют его жизнь.

На время передам слово главе центра и режиссеру спектакля господину Рихтеру: «Мы существуем с 1974 года. В 1989-м у нас появилось свое здание, а вместе с ним возможность профессиональной работы. Кроме того, что мы играем взрослые и детские спектак-

готовят специально — это дополнительное образование. Но по сути дела обучаются они уже на практике в театре. Конечно, не каждый артист способен к такому роду деятельности. Часто актеры ощущают себя центром мироздания, а при работе с детьми такой подход невозможен. Главными должны быть дети. Кстати, актерам это полезно — избавляет от завышенной самооценки. Наши занятия начинаются с тела. Мы несколько не заблуждаемся относительно того, что именно язык в нашей цивилизации является основным средством коммуникации. Но мы слишком много говорим... и лжем. За вежливыми речами скрываются лица-маски. А где чувства? Мы пробуем научить наших подопечных выражать эмо-

ГАСТРОЛИ

ции без слов. Затем от пластики переходим к сценической импровизации. И лишь затем «включаем» речь. Такова программа для всех групп (хотя учитываются возрастные особенности), а занимаются в них все, кто хочет — никакого отбора. Мы не ставим своей целью подготовку профессиональных актеров. Скорее, стремимся помочь тем людям, чья жизнь не будет связана с художественной профессией, тем, кто станет работать в бюро или клинике, зарабатывать деньги, но не сумеет найти себя. Для того чтобы в жизни появился смысл, нуж-

бывшей ГДР — они казались слишком задисциплинированными».

Я, конечно, не знаю, как проявляют себя немецкие дети в предлагаемых центром обстоятельствах, но наши удручили. Им предлагались совсем простенькие этюды: например, изобразить дерево. Честно говоря, я не предполагала, что в наших лесах растут сплошь одни коряги. Или: вылепить из глины (роль которой исполняет один ребенок) скульптуру. Одна была милой и называлась «маленький супермен», одна остроумной — «берлинский медведь». В остальных парах

лики. А театр, который требует пояснений, вряд ли имеет смысл. Есть один выход — публика должна играть вместе с актерами. Мы можем открыть сцену в голове зрителя».

Как они это делают? Могу судить по тому единственному спектаклю, который видела, — «Желание сладостного удовольствия преследует меня даже во сне» по произведениям Даниила Хармса и Курта Швиттерса.

Текст в приглашении гласит: «Сладостное удоволь-

о западных ресторанах), принимаются рассказывать короткие шутки Хармса и представлять небольшие сценки. Компания собралась на вечеринку и, поскольку поиски общих тем для разговора всегда затруднительны, травит анекдоты. Чем дольше они сидят, тем больше съедено и выпито, тем грубее и смешнее истории из жизни. Но как бы ты ни участвовал в происходящем (уже самим фактом сидения за общим столом), ты все же наполовину зритель. И, узнавая в персона-

Или вот пожилая леди (Лизелотте Принц) — из тех, кто целыми днями судачит на лавочках и знает мельчайшие подробности жизни соседа — делится своими умозаключениями с посетителями ресторана. Лицо у нее грустное, интонации сокрушенные, вид соболезнующий — ох, что говорят люди, как себя ведут...

А музыканты расходятся, ритм южных горячих мелодий загнан до невообразимого. Саксофонист — элегантный высокий парень в черном костюме и при бабочке — расчесан на прямой пробор, как приказчик, усы закручены вверх — и на аплодисменты раскланивается, ну просто как истинный лабух времен нэпа. Сколько в нем обаяния, холуйства и презрения к публике. Сами эти поклоны — настоящая маленькая роль.

Все смешивается в какую-то странную атмосферу: ностальгия по началу века, чеховские персонажи в красивых нарядах, кабак, Хармс, брехтовские гротеск и резкость линий. И рождается в итоге своеобразный горьковато-любовный чеховский звук. Первый раз из театра, а не из теоретических трудов поняла, что Хармс вышел из Чехова.

Театр из Штуттгарта приехал по приглашению Всероссийского экспериментального центра «Школьный театр», точнее — его руководителей — отличного автора пьес для детей Михаила Бартенева и режиссера Сергея Розова. Насколько я понимаю, наш центр намерен заниматься в Москве примерно тем же, чем «Театр и искусство» в Штуттгарте. Что ж, недурное начало.

Марина ТИМАШЕВА.

СЦЕНУ ЗРИТЕЛЯ...»

ны воображение, яркая фантазия. Человеку нужно мечтать. Для этого — наш театр, искусство и литература вообще. Конечно же, сосредоточиваться, замыкаться только на своем внутреннем мире опасно. Необходимо знать, что творится вокруг, что происходит с другими людьми. Мы стараемся научить детей честно общаться друг с другом: они говорят своим сценическим партнерам, удобно ли им играть вместе, а если нет — то почему; выяснять, как чувствует себя другой человек, все ли в общении его устраивает.

То, что вы видели в школе № 3, — наш обычный тренинг, естественно, начальный его этап. Мне не удалось заметить принципиальной разницы в поведении немецких и русских детей. Ваши ребята очень открыты и любопытны. Разница была очевидна, когда в Штуттгарт приехали дети из

обильно лепили хоккеистов и балерин.

Несколько групп изображало заблудившихся в лесу — фантастически однообразно. Сознание, к несчастью, клишировано, а воображение отключено. Хотя, конечно, поди-ка расслабься за каких-нибудь три дня, да еще в присутствии учителей. Дети же были счастливы и, как мне кажется, запомнят это время как самое счастливое в школьной жизни. А их немецкие наставники, выслушав мои соображения, ринулись защищать наших ребят с такой горячностью, как если бы это были их собственные дети.

О проблемах собственно театра господин Рихтер сказал следующее: «Наш театр существует на государственные деньги, налоги. Когда мы инсценируем и представляем произведение, которое нравится нам самим, мы рискуем навлечь на себя неудовольствие пуб-

ствие входит в стоимость билета». Вы попадаете не в театр, а в ресторан. Длинный-предлинный стол под белой скатертью с канделябрами и букетами искусственных цветов. Артисты — они же официанты — разливают вино, фанту, пепси, подают заливное, фрукты, пирожные. Для вас играет камерный джазовый оркестрик — саксофон, пианино, ударные — великолепные исполнители. Итак, советский человек в ресторане — без взятки, хамства, изнурительного ожидания, брюхатых нуворишей в золотых перстнях и охотящихся за ними шлюх. О! Желание столь сладостного удовольствия действительно преследует меня даже во сне.

А дальше актеры, сидящие с вами за столом (перед ними — табличка «зарезервировано», напоминающая как о советских, так и

жах самого себя, в ситуациях — житейские сценки, к которым многократно бывал свидетелем, начинаешь оценивать себя как бы со стороны.

Вот человек задумчиво поедает бульон и вдруг надменно и громко произносит: «Я — принц». Мужчины на другом конце стола, не имеющий ни малейшего отношения к «предыдущему оратору», столь же внезапно принимается его бранить. Завязывается ожесточенная перепалка, необъяснимая, неостановимая, развивающаяся по мертвому кругу, как «на колу висит мочало...». Узнаете себя? О, YES!

Казенный человек-философ с растопыренными ушами-волосами фанатично тарашит глаза и несет какую-то ахинею. Эдакий мини-фюрер Артуро Уи (роскошный артист Клеменц Шафер).